

В. С. КУЧКО

**К ЭТИМОЛОГИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНЫХ ОМОНИМОВ:
ВОЛОГ. КАЛАУШКА***

В статье речь пойдет об одном севернорусском лексическом множестве, объединенном по формальному признаку: входящие в него слова имеют основу *калауш-/колоуш-*. Эти слова слабо засвидетельствованы опубликованными диалектными словарями. Комплекс присущих данному множеству значений наиболее полно записан Топонимической экспедицией Уральского федерального университета (УрФУ) — и привлекает внимание своей обширностью и разнородностью: он включает предметные, поведенческие, акциональные (в том числе речевые) и некоторые другие значения. Слова рассматриваемого множества имеют узкую территорию бытования: все лексико-семантические варианты функционируют в пределах нескольких районов Вологодской области — за исключением немногих слов, зафиксированных шире.

Чаще всего носителем разных значений, представленных в этом множестве лексических единиц, становится существительное *калаушка* (*колоушка*). Кратко представим семантико-словообразовательную наполненность данной группы, обозначив главные линии семантического развития внутри нее¹:

♦ слова, называющие головной убор и его часть — *калаушка/колоушка/колаушка/калавушка* ‘шапка-ушанка’ (Влг.: Бабуш., Ньюкс., Тот.); *калаушка* ‘изношенная шапка’ (Влг.: Бабуш.); *калаушка, калаушечка, колоушек* ‘пришивное ухо у зимней шапки’ (Влг.: Ньюкс., Тот.);

♦ значения, связанные с легкомысленным и развратным поведением — *калаушка* ‘девушка легкого поведения’; *калаушку гулять* ‘о легкомысленном поведении’; *калаушка* и *калаушка* ‘легкомысленный, развязный человек’ (Влг.: Бабуш.);

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Автор сердечно благодарит А. Е. Аникина, А. Ф. Журавлева, Н. В. Кабинину, О. В. Мищенко и С. М. Толстую за ценные замечания и консультации.

¹ Здесь материал представляется без указания на источник, лишь с географической пометой; далее при подробном рассмотрении лексем они будут сопровождаться паспортизацией.

- ♦ семантика причинения физического вреда — *калаушить* ‘бить, избивать кого-л.’; *накалаушить* ‘побить’ (Влг.: Бабуш.);
- ♦ семантика ментальных аномалий — *калаушка/колоушка* ‘глупый, бестолковый человек’ (Влг.: Бабуш.);
- ♦ слова, обозначающие негативно оцениваемое речевое поведение — *калаушка, калаушник* ‘болтун, вун’ (Влг.: Кад.); *колоушник* ‘сплетник, наушник’ (Новг.; Пск.; Твер.); *колоушничать* ‘болтать, говорить без дела; сплетничать’ (Влг.: Кад.; Вят.; Новг.; Пск.; Твер.);
- ♦ семантика негативно оцениваемого пищевого поведения — *калаушник/колоушник* ‘тот, кто привередлив в еде’, ‘тот, кто выпрашивает лакомство’, ‘тот, кто стремится незаметно утащить лакомство’, ‘попрошайка, тот, кто клянчит еду’; *калаушить* ‘выпрашивать еду’, *калаушничать/колоушничать* ‘сидеть или стоять у стола, за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду’, ‘выискивать, выпрашивать еду’, ‘быть привередливым в еде’, ‘есть скоромную пищу’; *колоушное* ‘скоромная пища’ (Влг.: Кад.).

Таким образом, лишь значения ‘сплетник’ и ‘сплетничать’ фиксируются не только в вологодских, но и в вятских, новгородских, псковских и тверских говорах.

Рассматриваемая лексическая группа, как нам представляется, является гетерогенной — разнородной по происхождению своих элементов. Интерпретировать представленный набор значений не как развитие многозначного слова, а как возможное взаимодействие нескольких этимологических омонимов и их дериватов заставляют две причины — семантическая и лингвогеографическая. Первая — значительные семантические расстояния между отдельными блоками значений. Вторая причина подразумевает строгую «привязку» отдельных блоков значений к разным ареалам. Противопоставленными оказываются юго-запад и северо-восток Вологодской области: значения ‘шапка-ушанка’, ‘легкомысленный человек’, ‘глупый человек’ фиксируются в Бабушкинском, Нюксенском и Тотемском районах, находящихся в восточной и северо-восточной части области; значения, связанные с отрицательным пищевым поведением, записаны только в Кадуйском районе, расположенном на юго-западе области. Все это позволяет предполагать, что деривация лексем внутри разных смысловых блоков осуществляется от основ *калауш-/колоуш-*, имеющих разное происхождение.

Первый взгляд на слово *калаушка* и его производные или слова с той же основой наводит на мысль об их заимствованном тюркском происхождении. На это указывает как фонетический облик слов — гармония гласных, так и их принадлежность к бытовому пласту лексики — в первую очередь это касается наименований головного убора, но и слова, называющие разного рода «пищевые девиации», являются конкретными существительными или глаголами конкретного действия из сферы повседневной жизни.

Однако в настоящей статье мы попробуем доказать, что тюркский по происхождению этимон можно предполагать только для одного из не-

скольких рядов омонимичных единиц, составляющих изучаемое множество слов. Остальные, на наш взгляд, можно этимологизировать на славянской почве. Тем не менее, доказательство исконного происхождения *калаушки* и ее семантико-словообразовательных дериватов требует, помимо прочего, доводов «от противного» — опровержения гипотезы о том, что *калаушка* во всех своих лексико-семантических вариантах является тюркизмом, проникнувшим в вологодские говоры (такое мнение — без подробного анализа этих слов — можно обнаружить, в частности, в работе, посвященной тюркским заимствованиям на территории Русского Севера, см. [Николаева 1997]).

Таким образом, решение вопроса о происхождении изучаемых лексем подразумевает столкновение с несколькими проблемами, выходящими за рамки частного случая: это, в первую очередь, проблема выявления и разграничения омонимов в диалектной лексике и проблема верификации данных о происхождении «потенциального» или «гипотетического» тюркизма (по выражению В. А. Меркуловой [1985]).

Существует еще один фактор, который придает «пестроту» рассматриваемому семантическому спектру: вне зависимости от производящей основы на семантическое развитие анализируемых слов влияет ряд аттракций к сходным по фонетическому облику лексемам.

Ниже будут описаны возможные пути происхождения изучаемой основы, каждый из которых связан с отдельными линиями семантического развития внутри гнезда, а также определены некоторые стимулы, мотивирующие появление ряда значений у данной группы слов.

1. *Калаушка/колоушка* ‘шапка-ушанка’

Слова *калаушка/колоушка/колаушка* в значении ‘шапка-ушанка’ многократно записывались Топонимической экспедицией УрФУ в Бабушкинском и Нюксенском районах Вологодской области; лексема *калаушка* в том же значении отмечена также «Словарем вологодских говоров» в соседствующем с ними на востоке области Тотемском районе [СВГ 3: 33].

Представляется, что эти слова и производные от них могут быть образованы сложносuffixальным способом на базе слов *коло* + *уши*. Существуют две мотивационные возможности для появления слов и, соответственно, для интерпретации предполагаемого исходного сочетания.

Во-первых, внутреннюю форму слов можно «прочитать» как «что-то, находящееся возле ушей» — речь идет о шапке, прилегающей к ушам того, кто ее носит. Первая часть сложного слова, таким образом, восходит к диал. шир. распр. предлогу *коло* ‘около’ [СРНГ 14: 139]. Аргументом в пользу такой трактовки служит сама реалья — зимняя шапка, считая специально так, чтобы находиться «около ушей» — закрывать уши. Живую связь между словом и вещью ощущают диалектоносители: «На уши наде-

нут, вот и зовут калаушкой»; «С ушами шапка — калаушка, деревенско слово»; «Колаушка — шапка така с ушам» [СГРС 5: 28, 236]. Кроме того, *калаушкой* или *калаушечкой* называют собственно прилегающую к уху боковую, опускающуюся часть шапки: «Зимой калаушки завяжешь и уши прикрываешь»; «Расправь, говорят, калаушки-то или завяжи калаушки»; «Эки калаушечки торчат» [Там же: 28].

Словообразование на базе сочетаний предлога *коло* ‘около, вокруг’ и обозначения предмета, в которых отражается местонахождение чего-либо, отмечается в говорах, ср., например, обозначения предметов одежды (в широком смысле): свердл. *колонóжки* ‘ремешки у обуви’ [СРГСУ 2: 40], смол. *колошэйник* ‘шарф’ [ССГ 5: 59]².

Во-вторых, нельзя исключать того, что первый корень в составе рассматриваемых лексем можно отождествить с *коло* ‘колесо, круг’³; в этом случае слова содержат указание на круглую форму ушей самой шапки.

Что касается второй части изучаемых слов, то она в одной с ними форме присутствует в лексемах, называющих в вологодских говорах шапку: *наушка* ‘вид головного убора’ [СРНГ 20: 252], *долгоушка* ‘шапка-ушанка’ [СРНГ 8: 108], причем номинации сохраняют прозрачность связи с компонентом *уши*⁴. Возможно, к этому же ряду относится влг. *оплеушка* ‘шапка-ушанка’ [СРНГ 23: 265], если предположить, что лексема образовалась в результате трансформации словосочетания *облоухая шапка*, ср. диал. шир. распр. *облоухий* ‘ушастый’ [СРНГ 22: 110], ср. также *облоухая собака* ‘шапка’ [Даль 2: 1532].

Данный ряд, кроме того, показывает, что второй корень слов может обозначать как уши самой шапки, то есть боковые удлиненные ее части, так и уши того, кто ее носит, ср. разницу между *наушкой* и *долгоушкой*: шапкой, которая надевается «на уши», и шапкой «с долгими ушами». Таким образом, существуют две возможности для интерпретации слов *коло* и *уши* в составе обозначений шапки.

² Предлог *коло* ‘около’ становится первой частью сложных слов весьма часто, ср. арх. *колобрежцы* ‘жители морского побережья’ [СРНГ 14: 146], без указ. места *колоречная трава* [Там же: 173], без указ. места *кологлесный* ‘находящийся около, у леса’ [Даль 2: 348], *кологородица* ‘люди, живущие в пригороде’ (Влг.: Бабуш.) [СГРС 5: 251] и мн. др.

³ Среди примеров словосложения, при котором одним из компонентов выступает *коло* ‘круг, колесо’, представлены, например, без указ. места *кологрудый*, *колобровый* [Даль 2: 348], диал. шир. распр. *коломазь* ‘колесная мазь’ [СРНГ 14: 169], влг. *коловертъ* ‘вихрь’ [Там же: 150], литер. *коловорот* ‘водоворот’ [ССРЛЯ 5: 1170].

⁴ В русских говорах обнаруживается значительное количество лексем на *-ушка*, где данный компонент является не суффиксальным, а корневым в составе сложного слова (восходящим к слову *уши*): ср., к примеру, диал. *карнаушка* и *корноушка* ‘человек без уха или с изуродованным ухом’ [СРНГ 13: 95], олон. *одноушка* ‘корзина с одним ушком для переноски травы, сена’ [СРНГ 23: 55], твер. *вертоушка* ‘ухочистка’ [СРНГ 4: 154].

Однако, если принять версию о происхождении названия головного убора от сочетания названных слов, надо остановиться на фонетическом облике слов — обращает на себя внимание сосуществование начальных *кала-* и *коло-* в говорах Русского Севера, характеризующихся оканьем. Закономерно возникает вопрос о возможности «акающего» произношения исконных слов на этой территории. Подобные примеры регистрируются словарями и являются, по-видимому, устойчиво фиксируемыми языковыми фактами. В частности, в Вологодской области соседствуют пары *калабáшка* (*калабáшечка*) и *колобáшка* ‘грубо выделанная деревянная посуда’, ‘деревянная чурка; миска, плошка’, *калабу́шка* ‘ком из теста’, ‘род пирога’ и *колобу́шка* ‘ватрушка’, производные от *колоб-* и отражающие круглую форму обозначаемых ими предметов (см. [СВГ 3: 33, 84; СГРС 5: 26, 248; СРНГ 14: 148]). Деэтимологизации и последующему «акающему» произнесению может подвергаться и предлог *коло* ‘около’, ср. пары олон. *калабрóд* и арх., влг. *колобрóд* ‘бездельник, бродяга’ [СРНГ 12: 332; 14: 146], влг. *калабрóда* и *колобрóда* ‘тот, кто колобродит; частый и назойливый гость’ [Там же] (*калабродить* «от *коло* ‘около, вокруг’ и *бродить*» [Фасмер 2: 164])⁵.

Таким образом, признание лексем *калау́шка/колоу́шка* ‘шапка-ушанка’ исконным образованием на базе сочетания слов *коло* и *уши* не встречает, на наш взгляд, противоречий в языковой системе, но, напротив, имеет семантическую и словообразовательную поддержку, подкрепленную к тому же мотивационными параллелями (такими словами, как *долгоушка*, *колошейник* и др.).

Тем не менее, проверки требует возможность тюркского происхождения лексем со значением ‘шапка-ушанка’ — как говорилось выше, сомнения вызывают и фонетический облик слов, и их принадлежность к наименованиям одежды, среди которых обнаруживается значительное число заимствований, включая заимствования из тюркских языков (ср. обозначения шапок, широко распространенные в диалектах, в том числе в севернорусских говорах: *малахай*, *чабак* (*чебак*), *бухарка* и др.).

В претензии на роль этимонов могут подозреваться слова *kälän'yu* ‘тюбетейка’ (Казанское наречие), *käläbäç* ‘женская шапочка’ (Тобольское наречие) (речь, по-видимому, идет о наречиях татарского языка) [Радлов 1/2: 1115] в силу того, что они обозначают головные уборы. Сопrotивление такому решению оказывают в первую очередь семантика и лингвогеография. Предполагаемые этимоны называют традиционные головные уборы, имеющие черты явной этническо-конфессиональной принадлежности.

⁵ В окающих говорах переход *o > a* может осуществляться и под ударением, ср., к примеру, арх. *каравáд* ‘хоровод’, карел. *káли* ‘около’ [Михайлова 2013: 169, 171]; это явление, представленное большой группой лексики не только на севернорусской, но и на других территориях, освещается, в частности, в [Михайлова 2014]; ряд примеров приведен в [Журавлев 2003: 144].

Специфичность называемых ими реалий затрудняет их заимствование в качестве обозначений традиционной севернорусской шапки (при отсутствии в татарско- и чувашско-русских словарях, то есть в словарях языков тюркских народов Поволжья — зоны, пограничной с севернорусской, — семантического звена, которое можно было бы считать переходным). Кроме того, в лексикографических источниках, фиксирующих южнорусские диалекты и русские диалекты Поволжья и Сибири (то есть говоры контактных славянско-тюркских территорий), не нашли отражения какие-либо следы заимствованных обозначений головных уборов, имеющих сколь угодно близкий *калаушке* фонетический облик.

Попадание тюркского слова в далекий от территории первоначального бытования ограниченный ареал, которое произошло, минуя говоры территорий, находящихся в «переходной» зоне между исторической территорией проживания тюркоязычных народов и Русским Севером (в первую очередь, вятские и костромские говоры), представляется маловероятным.

2. Развитие семантики ментальных и поведенческих аномалий

Несколько пейоративных значений, отмеченных у слова *калаушка* в Бабушкинском районе Вологодской области, являются переносными по отношению к значению ‘шапка-ушанка’⁶, которое фиксируется на той же территории.

Главный признак шапки-ушанки — длинные, болтающиеся уши — в силу разных причин мотивирует значения, связанные с ментальными отклонениями и отрицательно оцениваемым поведением.

Глупого, бестолкового или чудаковатого человека могли называть *калаушкой* (*колоушкой*): «Да колоушка он какой-то, толку-то от него» [СГРС 5: 271]. Причины такого семантического переноса кроются в представлениях о «лопоухости» дурака, закрепленных в таких лексемах, как арх. *вислоухий* ‘невнимательный, нерасторопный, недогадливый’ [СРНГ 4: 296], *лопоух* влг. ‘бестолковый человек’, влг., новг. ‘олух, дуралей’ [СРНГ 17: 143], костр., сев.-двин. *лопоухий* ‘недогадливый, невнимательный’ [Там же], жарг. *ушатый* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ: 617] и др. В силу этих ассоциаций обозначения шапок с висящими ушами развивают переносное значение ‘глупый человек’. Т. В. Леонтьева, выделяя данный перенос в числе тех, по которым образуются обозначения дураков, приво-

⁶ В своем прямом значении *калаушка* еще употребляется в составе формулы отказа жениху невестой во время сватовства: *калаушку навесить* (*повесить, построить*) ‘отказать при сватанье’: «Калаушку повесила, замуж не пошла дак» (Влг.: Бабуш.) [СГРС 5: 28]. О символическом потенциале шапки в свадебном обряде на фоне других «отказных» фразеологизмов с участием предметных символов см. [Березович 2007: 261—262].

дит следующие примеры: простореч. *тумák* ‘о глупом, малознающем, малосообразующем человеке’ и обл. *тумák* ‘ меховая шапка-ушанка’, арх. *махалáй*, *махлáй* и *махлák* ‘о глупом, неповоротливом человеке’ и ‘шапка малахай’, диал. *малахáйник* ‘невежа, неуч’ и литер. *малахай* ‘род старинного крестьянского головного убора — большая шапка на меху с наушниками’ [Леонтьева 2008: 198]⁷. Слова *калаушка* и *колоушка* ‘глупый, бестолковый человек’, таким образом, также транслируют представление о больших висящих ушах дурака.

Наличие болтающихся, разлетающихся ушей у калаушки мотивирует появление значений ‘легкомысленный, развязный человек’: «Калаушка — человек немножко легкомысленный», ‘гулящая девушка’: «Калаушка зимняя, уши закрывать; девку гуляша тоже почто-то калаушка», а также выражения *калаушку гулять* ‘о легкомысленном поведении’: «Калаушку она, может быть, гуляет» [СГРС 5: 28]. *Калаушкой* или *колоушкой*, напомним, может называться не вся шапка целиком, а только болтающаяся ее часть — пришивные уши: «К шапке калаушки пришивали, финка — шапка без калаушек», «Расправь, говорят, калаушки-то или завязи калаушки» [Там же], «Шапка с колоушком, завязывали уши-те» [Там же: 271]. Ведущий развратный образ жизни или просто развязно себя ведущий человек, таким образом, сопоставляется с болтающимся туда-сюда предметом (ср. еще внутреннюю форму слов *развязный*, *отвязный*).

Заметим, что предметное значение слова не вступает в семантический конфликт с негативно-оценочными значениями. Контексты указывают на то, что калаушка представляет собой самый обычный и даже неприглядный головной убор («Зима, так все — и девки, и парни — носят калаушки», «Калаушка — шапка худая», «Калаушка — невзрачная шапчонка, уши торчат»). *Калаушкой* называли также старую, поношенную шапку (см. [Там же: 28]). Вектор движения в сторону отрицательных значений отчасти задается наличием у слова в предметном значении коннотаций заурядности, затрапезности, негодности. В связи с этим отметим следующую семантическую параллель: обозначения простой, повседневной, в некоторых случаях — «деревенской» или изношенной одежды и обуви развивают переносное значение ‘бестолковый человек’, ср. общенар. *лапоть* ‘о глупом, невежественном человеке’, прост. *сапог* ‘то же’, прост. *глупый как валенок* ‘то же’, иркут. *отопки* (изношенные лапти) ‘о темных, неграмотных, необразованных людях’ [СРНГ 24: 258], ср.-урал. *армяк* ‘человек рассеянный, неловкий, несообразительный’ [СРГСУ 1: 28], ворон. *варежка* ‘нерасторопный человек, разиня’ [СРНГ 4: 49], влг., перм., вят. *варега* ‘глупый, несообразительный человек’ [Там же] и др.

⁷ Акты номинации шапки с длинными ушами и дурака (простака) могут, очевидно, осуществляться и параллельно (независимо от переноса «ушанка» → «глупый человек») — на основании признака «вислоухости», ср. пск., смол. *лопоух* ‘шапка-ушанка’ («Надел свой лопух») и *лопоух* пск. ‘невнимательный человек’, влг. ‘олух, дуралей’, калуж. ‘нерасторопный человек’ [СРНГ 17: 143].

Любопытно, что как пейоративный экспрессив *калаушка* нашла употребление в художественном тексте, ср. отрывок из повести Л. И. Воробьева «В Песково за библией» (написанной приблизительно в 60-е гг. XX в.): «Змей ты раззмей! — звонко выговаривала бабка Настя. — Полумоток ты лешев, **калаушка** ты окаянная! К сватье он пойдет! Харя ты неумытая! Рожа берестяная! Совсем на старости совесть потерял. (...) Вот я тебе ужоть покажу, **калаушке!**» [Воробьев]. Трудно с точностью установить географию слова: героиня повести, которой принадлежит эта реплика, — жительница костромской деревни, писатель же издал ее, живя в Новгородской области, куда переехал из Костромской. Так или иначе, этот отрывок показывает, что в негативно-оценочном значении слово *калаушка* известно и за пределами Вологодской области — вероятно, в ряду лексем, которые мы рассмотрим в следующем параграфе.

3. Семантика болтовни, вранья и распространения сплетен

Единственный блок значений слов с основой *калауш-/колоуш-*, который, судя по данным лексикографических источников, бытует не только на вологодской территории, но и в других зонах (вятской, новгородской, псковской и тверской), связан с отрицательно оцениваемым речевым поведением. Его формируют слова *калаушка*, *колоушка* ‘о болтливом человеке’ (Влг.: Бабуш.): «Калаушка какой-то такой развесёлой, болтает ерунду, кто-то болтушкой, кто-то калаушкой и зовёт»; «Ну и колоушка ты!» [КСГРС], *калаушник* ‘болтун, вун’, *калаушничать* ‘болтать, говорить без дела’ (Влг.: Кад.): «Калаушником иногда называют человека, баламута-то, болтает много, как болтун, калаушничает. Идут два старика всю дорогу и врут, приходят домой, друг другу правды не сказали, много говорят не по делу, калаушничают» [СГРС 5: 29], пск., твер., новг. *колоушник* ‘сплетник, наушник’ [ПОС 15: 99; СРНГ 14: 190; ТТС 4: 54], *колоушничать* пск., твер., новг. ‘сплетничать, наушничать’ [ПОС 15: 99; СРНГ 14: 190], ‘сплетничать, переносить, наушничать’ [Даль 2: 360], вят. ‘сплетничать’: «Нехорошо колоушничать. Поди, еще к тебе вернется неправда-то» [ОСВГ 5: 77].

Представляется, что слова с речевыми значениями, распространенные на указанной территории, появились независимо от обозначения шапки-ушанки, бытующего только в нескольких районах Вологодской области. Однако так же, как и название шапки, они являются, вероятно, исконными образованиями на базе сочетания *коло* + *уши* и возникли с опорой на рисуемую их внутренней формой деталь картины распространения слухов — их устную передачу «в уши» следующим участникам цепочки.

Образ ушей нередко участвует в изображении процесса распространения сплетен (ср., например, *дуть в уши* ‘сплетничать’ [Даль 4: 1111], иркут. *надувать уши ветром* ‘то же’ [ФСРГС: 117], морд. *настрекать в уши* ‘насплетничать’ [БСРП: 694]) или ложится в основу номинаций этого процесса и его участников (ср. без указ. места *ушник* ‘сплетник’, *ушничать* ‘на-

ушничать' [Даль 4: 1124]). Мотив воздействия на уши воспроизводится в ряде выражений с семантикой передачи ложных слухов и — шире — речевого обмана (ср., к примеру, волгоград. *натарахтеть в уши* 'очернить кого-л.' [БСРП: 694], омск. *залезть в ухо* 'обмануть' [ФСРС: 78], жарг. *тереть/втирать/причесывать/шлифовать уши* 'лгать' [БСРП: 695]). Это делает закономерным использование образа ушей в словах данного семантического блока вне связей с номинацией головного убора.

Показательно, что в ряде словарей (в [Даль; ПОС; СРНГ]) дефиниции глагола *калаушничать* (*колоушничать*) даются с помощью лексемы *наушничать* 'клеветать, сплетничать', актуализируя сходство внутренней формы глагола и «оживляя» некоторые аспекты ситуации передачи сплетен. Аттракцию к слову *наушничать* можно считать существенным стимулом к формированию внешнего облика изучаемого речевого глагола.

Речевые значения записаны на вологодской, псковской и новгородской территориях, где также фиксируются обозначения болтающей попусту, занимающейся сплетнями женщины, образованные от глагола *колотить* по широко распространенной семантической модели «стучать, хлопать, колотить» → «пустословить, сплетничать»: влг. *колотушка* 'болтливая женщина' [СВГ 3: 91], новг. *колотуша* 'сплетница' [СРНГ 14: 185], пск., новг. *колотуха* 'болтуня, сплетница' [Там же: 184], пск. *колотушка* 'выдумщица' [ПОС 15: 95]. Сближения на основании фонетической и семантической близости между двумя группами слов вполне вероятны.

Можно предположить, что ареальную широту лексемам обеспечивает совокупность факторов: легкость интерпретации слов в русле семантики распространения сплетен (использование «популярного» в описании процесса передачи сплетен образа ушей); аттракция со стороны нескольких сходных по фонетическому облику слов, влияющая на устойчивость «речевой» семантики.

Таким образом, обозначения сплетника могли возникнуть вне связи с обозначением шапки-ушанки, однако иметь в основе ту же модель — иначе говоря, эти группы лексем являются гомогенными омонимами.

4. Семантика причинения физического вреда

Основа *калауш-* присутствует в лексемах *калаушить* 'бить, избивать кого-л.', *накалаушить* 'побить' (Влг.: Бабуш.): «Пойдем отсюда, говорю, не то и нас накалаушат» [КСГРС]. Можно предположить, что в их основе лежит глагол *оглоушить*, подвергшийся фонетическим изменениям вследствие притяжения к *калаушка* 'шапка'. Представим диалектные фонетические варианты литер. *оглоушить*: ворон. *оголовушить* 'сильно ударить по голове, оглоушить', карел. *оголоушить* 'то же' [СРНГ 22: 335, 336]. Результатом деэтимологизации этого глагола явилось также, вероятно, оренб. *околоушить* 'сильно ударить по голове, лишив сознания' [Малеча 3: 64].

Поддержка семантике битья со стороны значения *калаушка* 'шапка-ушанка' связана с тем, что образ шапки и вообще головного убора может использоваться в образовании выражений со значением 'бить кого-л.', ср. простореч. *дать по шапке* 'ударить', *по шапке хлестнуть* 'огреть, ударить' [Даль ПРН 1: 312], яросл. *накласть в шапку*, *шляпу* 'избить кого-л.' [ЯОС 6: 97], пск., твер. *насорить в шапку* 'побить' [СРНГ 20: 182], олон. *надавать колпаков* 'надавать тумаков, колотушек' [СРНГ 14: 193] и др. (подробнее о мотиве удара, реализующемся во фразеологических единицах с компонентом *шапка*, см. [Тихомирова 2013]).

5. «Пищевая» семантика

Основа *калауш-/колоуш-* входит в состав слов, семантика которых охватывает несколько моделей негативно оцениваемого пищевого поведения. Эти значения записаны Топонимической экспедицией УрФУ на территории Кадуйского района (на юго-западе Вологодской области), тогда как значения 'шапка-ушанка', производные от него 'о глупом человеке', 'о легкомысленном человеке', а также слова с семантикой битья фиксировались на территориях Бабушкинского, Нюксенского и Тотемского районов (на северо-востоке Вологодской области). Такое строгое ареальное распределение семантики заставляет искать дополнительные мотивационные стимулы для появления «пищевых» лексем и предполагать для них иную этимологию.

Опишем подробнее комплекс «пищевых» смыслов слов *калаушник* (*колоушник*), *калаушить* и *калаушничать* (*колоушничать*).

Выделяется идеограмма 'сидеть или стоять у стола, за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду': «Обедают, и стоят пацаны у стола и смотрят, еды-то мало было, от зависти, пришёл, стоит у стола, калаушничает» [СГРС 5: 29] (такая специфическая ситуация, очевидно, имела распространение в деревенском социуме в голодные годы, поскольку данная идеограмма имеет не единственное языковое воплощение, ср. еще *камёт* 'то же': «Встанет и стоит, когда ешь. Это камеет» (Влг.: Кад.) [Там же 5: 49]).

К менее специфическим (отвлеченным от социально-исторического фона и распространенным и в городской среде) нарушениям общепринятых норм пищевого поведения, называемым рассматриваемыми лексемами, относятся: ♦ *излишняя привередливость в еде* («Колоушник: этого не хочу, этого не хочу, а этого поем»; «Калаушники любят хорошенько съесть, сметанку-то слизать, а плохое не любят»; «Ну и калаушник, любит покалаушничать что-нибудь вкусное»; «Калаушничает, выбивает, что хорошего съесть»); ♦ *стремление найти какое-нибудь лакомство и незаметно, без разрешения, его съесть, нередко в неурочный час* («Калаушник блудит — где молока выпить, где на куфне чего взять»; «Калаушник любит что-то таскать, кто брал самостоятельно без разрешения, кринку ли облизал, сметанку ли»);

«Дедку ругаю: чего, дедка, в буфете калаушничаешь»; «Бабушка поставит молоко, а он сверху выпивает. Ищет украсть. Это колоушник»; «Раньше мама говорила “колоушничать”, а не “куски хватать”»; «Ребёночек чего съел, пока не видят — это колоушник»; «Ест один, без всех, значит колоушник»; ♦ выпрашивание еды, попрошайничество («Я еще маленька была, побежала к дядюшке на футор, а мамка говорит: “Чего пошла калаушить?”»); «Калаушничают, выбивает, что хорошего съест») (см. [Там же: 28—29, 271—272]).

Тот факт, что калаушник (‘привередливый человек’) выискивает, как правило, не любую еду, а именно лакомство, а от плохой пищи отказывается, отразился на появлении лексем *калаушное* ‘скоромное’, *калаушничать* ‘есть скоромную пищу’, то есть пищу более вкусную, разнообразную, доступную только в регламентированное время: «Пост-от кончилси, дак покалаушничала; калаушничала — сметаны поела, масла да — калаушного всего» [Там же: 29].

Слова *калаушник*, *калаушничать* (*колоушник*, *колоушничать*) с семантикой выпрашивания еды (всеми упомянутыми выше способами), как кажется, могли быть производными от *калауш* ‘мешок, котомка’, которое формально совпадает с корневым элементом слов изучаемого множества. Слово *калáуш* (с вариантами *колоуш*, *калáуз*, *калау́з*, *калáус*, *калáгуз*, *каляуз*, *колоу́з* и др.) довольно широко распространено в говорах Русского Севера и Сибири; оно считается тюркским заимствованием (ср. тат. *qalauz* ~ *qalauyuz* ‘котомка’, *qalaus* ‘сумочка’ [Аникин ЭСС: 238]). Приведем только фиксации, относящиеся к вологодским говорам: влг. *калáуш* ‘небольшая холщовая сумка’: «Калауш — мешок вот заплечник», «Кто называл котомкой, кто калауш» [СГРС 5: 27], ‘небольшой мешок, котомка’ [СРНГ 12: 337], влг. *калáус*, *калáуз* ‘узел с поклажей’ [Там же: 336], влг. *колоуш* ‘небольшой дорожный мешок, котомка’ [Там же], влг. *колоуш* (удар.?) ‘кожаный или суконный мешок, затягивающийся шнурами, киса’ [СРНГ 14: 190], сев.-двин. *калау́шек* ‘сума, мешок из холста’ [СРНГ 12: 337] (последняя форма записана в Северо-Двинской губернии, сформированной из ряда уездов Вологодской губернии; ныне это в основном территория Архангельской и Вологодской областей). Отметим, что варианты *колоуш* и *калаушек* свидетельствуют о возможной постановке ударения в слове, обозначающем сумку, на третий слог, так же, как в «пищевых» лексемах.

Калаушем (*колоушем*, *калаушком*) называется, таким образом, небольшая котомка, которая, судя по контекстам, использовалась не для хранения вещей, а для ношения с собой еды (на покос или в лес) или ношения поклажи. С калаушем, вероятно, могли ходить выпрашивающие еду люди. Слова *калаушник* и *калаушничать*, производные от обозначения дорожного мешка, отразили картину хождения с сумой, вполне способную лечь в основу номинаций, обозначающих выпрашивание кусков, нищенство и под., ср. пск., твер. *набируха* ‘берестяной короб’ и *набирóшничать* ‘выпрашивать’ [СРНГ 19: 118], диал. шир. распр. *кошель* ‘разного рода не-

большая котомка или мешок' и вят., костр. *кошельничать* 'нищенствовать, просить милостыню' [СРНГ 15: 146], костр. *кошелять* 'то же' [Там же: 147], диал. шир. распр. *кисá* 'кожаный или суконный мешок' и иван. *кисáн* 'босаяк, шпана' [СРНГ 13: 225] (то есть «тот, кто ходит с кисой»). Перенос «сумка, сума» → «тот, кто ходит с сумой», вероятно, обусловил появление влг. *калитá* 'попрошайка': «Просит и просит без конца, приступился как калита» [СГРС 5: 34], ср. влг. *калитá* 'кошелек; сума; карман' [СРНГ 12: 358]. Сумка упоминается также в ряде выражений со значением 'обеднеть, побираться' — вроде смол. *повесить на шею котомку* [СРНГ 15: 110], ряз. *по кошелкам ходить* 'побираться' [Там же: 144] и под.

Кажется вероятным, что по модели, разрабатываемой словами *наби-рошничать* < *наби́роха*, *кошельничать* < *кошель*, осуществилась и деривация *калау́шничать* (*колоу́шничать*) < *калауш/колоуш*.

В таком случае «отправной точкой» для развития многообразных значений, связанных с пищей, стали значения 'попрошайничать, выпрашивать еду' и 'попрошайка'. Следующая ступень развития семантики, очевидно, затрагивает выпрашивание и выискивание уже не всякого куска, а лакомства или чего-то запретного (ср., к примеру, упоминание в контексте конкретного «запретного» продукта: «Свашить — то же, что колоушничать. Бабка водку спрячет, а он всё свашит» [СГРС 5: 272]). В свою очередь, значения 'выискивать лакомство' и 'тот, кто выискивает лакомство, стремится незаметно утащить лакомый кусочек' влекут за собой появление в «пищевом» семантическом комплексе значений, отражающих представления о чрезмерной капризности, привередливости в еде.

Заметим еще, что некоторые из рассмотренных слов могут переосмыслиться на русской почве: глагол *калаушничать* (*колоушничать*) 'сидеть или стоять за спинами тех, кто ест, молчаливо выпрашивая еду' может испытывать влияние «прочтения» как слова, указывающего на пространственное положение таких просителей — над ушами (около ушей) тех, у кого они просят. Местонахождение незваных гостей или людей, рассчитывающих на даровое угощение, может ложиться в основу их номинаций, ср. диал. *захребетник*: «в одних диалектах термин относится к непрошеному гостю, “который приходит не в урочное время, уже после праздника” (вят.), в других — к человеку, использующему свои связи, чтобы проникнуть туда, куда его не звали. (...) Иногда речь идет об участниках «помочей» (...). Термин отражает местоположение таких участников: *захребетники* остаются за спиной у приглашенных, которые передают им закуски и выпивку (волог.)» [Кабакова 2015: 81].

6. Об одном мордовском слове с основой *колоуш-*

К сожалению, не все семантические «повороты» в истории с *калаушкой* и другими словами с данной основой кажется возможным объяснить, вла-

дея представленным в статье материалом. Обратимся к любопытному случаю, отмеченному в ареале, удаленном от места записи основных фигурантов анализа.

В русских говорах Мордовии зафиксировано слово *колоушка* ‘маленькое, тесное помещение, клетушка’ и его уменьшительная форма *колоушечка*: «Купили оне там каку-ту кьлоушку, как скворешницу, и без малтъвъ два годъ в ней жыли, пока строились»; «И ушол к ней в эту кьлоушычку» [СРГМ 1: 396]. Слово представляется этимологически неясным. Можно допустить, что в мордовском языке существует некоторая языковая единица, притяжение к которой повлекло за собой семантическое развитие от ‘сумки’ к ‘помещению’ (поиск в словарях мордовского языка не дал результатов; ср. единственную обнаруженную нами финно-угорскую семантическую параллель к этой гипотетической единице, впрочем, весьма далекую — коми-зыр. *кола* ‘шалаш, лесная избушка’ [КРС: 297]). Можно предположить сдвиг семантики от значения ‘сумка’ (ср. диал. шир. распр. *калауш* ‘сумка’) до значения ‘тесное помещение’ на основании компонента ‘вместилище; небольшое закрытое пространство’. В русских говорах регистрируется совмещение значений ‘сумка’ и ‘помещение’ для одной языковой формы, ср. *пестерь* диал. шир. распр. ‘короб, корзина, мешок’ и забайк. ‘сусек в подполе’ [СРНГ 26: 312]; *кошель* общенар. ‘сумка’ и кубан. ‘помещение для половы’ [СРНГ 15: 145]; *кромá* без указ. места ‘сумка нищего’ и арх. *кром* ‘отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна’ [Там же: 274]; влг. *задня́* ‘сума, сумка для попрошайничества’ и арх. *заднюха, заднюшка* арх., ср.-урал. ‘пристройка к избе’, ‘задняя изба’, ‘скотная изба’ [СРНГ 10: 60]. Версия о развитии семантики (на русской почве?) на базе значения ‘сумка’ представляется более вероятной.

* * *

Итак, слова, включающие в свой состав основу *калауш-/колоуш-*, формируют в пространстве вологодских говоров значительное лексическое объединение, обладающее широким семантическим спектром, отдельные участки которого формировались на базе различных основ и под влиянием разных стимулов. Для единиц, входящих в данное объединение, можно предполагать по крайней мере два этимологических решения: сложение лексем *коло* + *уши* с суффиксацией (легшее в основу слов *калаушка/колоушка* ‘шапка-ушанка’ и ‘пришивное ухо у шапки’, а также лексем *калаушничать/колоушничать* ‘сплетничать’ и *калаушник/колоушник* ‘сплетник; болтун, врун’) и образование от бытующего в том числе в вологодских говорах слова *калáуш (колоу́ш)* ‘дорожный мешок, сумка’ (в результате которого появились слова *колоушить, колоушничать* ‘выпрашивать еду’). Таким образом, изучаемые языковые единицы в различных значениях признаются гетерогенными омонимами. Однако наблюдать их семантическое развитие представляется более продуктивным, объединяя их в одно лексическое множество.

Диалектная среда бытования слов способствует их деэтимологизации и разрастанию семантики, особенно негативно-оценочной, за счет активных деривационных процессов. Линии семантического развития в пространстве лексического объединения могут направляться вторичными сближениями основы с рядом лексем (например, словом *наушничать*) вне зависимости от предполагаемого происхождения основы.

Даже в случае заимствованного происхождения основы поддержку семантике «неправильного» пищевого поведения может оказывать переосмысление компонентов слова на русской почве (в частности, об этом говорилось по отношению к глаголу *калаушничать/колоушничать*).

Причины семантического развития кроются не только в собственном потенциале лексем (внутренней форме, контаминациях с другими словами), но и в логике «притяжения» друг к другу некоторых смыслов. Семантический комплекс данного гнезда в отдельных своих участках и даже целиком — в своей негативно-оценочной части — воспроизводится в пространстве языка в других семантико-словообразовательных гнездах. В частности, регулярно соединяются значения ‘болтать, врать’, ‘сплетничать, клеветать’ и ‘выпрашивать еду’ (например, в спектрах значений диал. *свашиить* [СРНГ 36: 222], *колотырить* [СРНГ 14: 186—187] и др.); соединяются значения ‘болтать, врать, переговаривать’, ‘бить, колотить’, ‘выпрашивать’ (например, в спектре значений диал. *ляскать* [СРНГ 17: 283]).

В заключение представим в схематичном виде, как, на наш взгляд, формируется и развивается семантика, присущая анализируемому лексическому множеству:

- 1) *калаушка/колоушка* ‘шапка-ушанка’
 < *коло* ‘около’ + *уши*
 или *коло* ‘круглый’ + *уши*

 ‘легкомысленный, развратный человек’
 ‘глупый, бестолковый человек’
- 2) *калаушничать/колоушничать* ‘сплетничать’, *калаушник/колоушник* ‘сплетник’
 < *коло* ‘около’ *ушей*
- 3) *колоушить* ‘бить’
 < *оглоушить* + притяжение к *калаушка* ‘шапка’
- 4) *калаушить, калаушничать/колоушничать* ‘выпрашивать еду’ →
 ‘выискивать лакомство’ → ‘быть привередливым в еде’ → ‘есть скоромную пищу’
 < *калауш (колоуш)* ‘сума’

В составе формирующейся вокруг основы *калауш-/колоуш-* группы лексем можно выделить четыре омонимичных семантико-словообразовательных ряда, каждый из которых, как представляется, образовался независимо от других, однако впоследствии мог вступать с ними в формально-семантические связи.

Литература и источники

Аникин ЭСС — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск, 2000.

Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М., 2007.

БСЖ — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

БСРП — В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. М., 2008.

Воробьев — Л. И. Воробьев. В Песково за библией (маленькая повесть) [Электронный ресурс]. URL: <http://profilib.com/chtenie/41325/leonid-vorobev-nedometannyy-stog-rasskazy-i-povesti-96.php>.

Даль 1—4 — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903—1909. Т. 1—4.

Даль ПРН 1—2 — В. И. Даль. Пословицы русского народа. СПб.; М., 1879. Т. 1—2.

Журавлев 2003 — А. Ф. Журавлев. Восточнославянские этимологии // *Studia etymologica Brunensia*. 2. Praha, 2003. S. 137—151.

Кабакова 2015 — Г. И. Кабакова. Русские традиции застолья и гостеприимства. М., 2015.

КРС — Коми-русский словарь / Под ред. В. И. Лыткина. М., 1961.

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Леонтьева 2008 — Т. В. Леонтьева. Интеллект человека в русской языковой картине мира. Екатеринбург, 2008.

Малеча 1—4 — Н. М. Малеча. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Оренбург, 2002—2003. Т. 1—4.

Меркулова 1985 — В. А. Меркулова. К проблеме потенциального тюркизма // *Этимология*. 1985/Отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1985. С. 81—86.

Михайлова 2013 — Л. П. Михайлова. Словарь экстенциональных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.

Михайлова 2014 — Л. П. Михайлова. Лексикализация перехода [ó] > [á] в русских говорах // *Севернорусские говоры*. Вып. 13 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб., 2014. С. 118—136.

Николаева 1997 — Е. С. Николаева. Тюркизмы в говорах Русского Севера. Дипломная работа. Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1997.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров. Киров, 1996—. Вып. 1—.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб., 1967—. Вып. 1—.

Радлов 1—2 — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1983—1899.

СВГ — Словарь вологодских говоров/Под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1983—2007. Вып. 1—12.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера/Под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.

СРГМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2013. Ч. 1—2.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева. Свердловск, 1964—1988. Т. 1—7.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1—22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23—42), С. А. Мызников (вып. 43—). М.; Л.; СПб., 1965—. Вып. 1—.

ССГ — Словарь смоленских говоров / Под ред. Л. З. Бояриновой, А. И. Ивановой. Смоленск, 1974—2005. Вып. 1—11.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.; Л., 1948—1965.

Тихомирова 2013 — А. В. Т и х о м и р о в а. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013.

ТТС — Тематический словарь говоров Тверской области / Под ред. Т. В. Кирилловой, Л. Н. Новиковой. Тверь, 2003—2006. Вып. 1—5.

Фасмер 1—4 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. М., 1964—1973. Т. 1—4.

ФСРГС — Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

ЯОС — Ярославский областной словарь / Отв. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981—1991. Вып. 1—10.

Сокращения

арх. — архангельские говоры
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
Влг. — Вологодская область
влг. — вологодские говоры
волгоград. — волгоградские говоры
ворон. — воронежские говоры
вят. — вятские говоры
диал. шир. распр. — диалектное широкого распространения
забайк. — забайкальские говоры
иркут. — иркутские говоры
Кад. — Кадуйский район Вологодской области
калуж. — калужские говоры
карел. — карельские говоры
коми-зыр. — коми-зырянский язык
костр. — костромские говоры
морд. — мордовские говоры
новг. — новгородские говоры
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
общенар. — общенародное
олон. — олонецкие говоры
омск. — омские говоры
оренб. — оренбургские говоры
пск. — псковские говоры

ряз. — рязанские говоры
 свердл. — свердловские говоры
 сев.-двин. — северодвинские говоры
 смол. — смоленские говоры
 ср.-урал. — среднеуральские говоры
 твер. — тверские говоры
 Тот. — Тотемский район Вологодской области
 яросл. — ярославские говоры

Резюме

Статья посвящена проблеме разграничения диалектных омонимов внутри группы слов с основой *калауш-/колоуш-*, зафиксированных, в большинстве своем, только на территории нескольких районов Вологодской области. Рассматриваемое лексическое множество обладает широкой семантикой: его можно разделить на блоки слов, называющих зимнюю шапку и ее пришивные «уши»; человека развязного и развратного поведения; глупого человека; болтуна и сплетника; действия по причинению физического вреда; наконец, человека, привередливого в еде, и действия по выпрашиванию еды. Ввиду значительного семантического расстояния между этими блоками и их географической привязки к разным ареалам (в частности, значения «шапка-ушанка», «легкомысленный/глупый человек» фиксируются на северо-востоке, а все «пищевые» значения — на юго-западе Вологодской области) предполагается, что деривация внутри рассматриваемого лексического множества осуществляется от основ разного происхождения. Для единиц, входящих в изучаемое множество, можно предполагать по крайней мере два этимологических решения: сложение лексем *коло* + *уши* с суффиксацией (легшее в основу слов *калаушка/колоушка* «шапка-ушанка» и «пришивное ухо у шапки» и их семантических дериватов, а также лексем *калаушничать/колоушничать* «сплетничать» и *калаушник/колоушник* «сплетник; болтун, врун») и образование от бытующего в том числе в вологодских говорах слова *калауш (колоуш)* «дорожный мешок, сумка» (в результате которого появились слова *колоушить, колоушничать* «выпрашивать еду»). Кроме того, на развитие значений внутри каждого из омонимичных семантико-словообразовательных рядов влияют аттракции основы к фонетически сходным с ней лексемам.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, вологодские говоры, диалектная омонимия, этимология, семантическая реконструкция, лингвогеография, лексическая аттракция.

Статья получена 01.03.2016

VALERIA S. KUCHKO

ON THE ETYMOLOGY OF DIALECT HOMONYMS: VOLOGDA WORD *KALAUSHKA*

The article is devoted to the problem of differentiating dialect homonyms within the group of words with the stem *kalaush-/koloush-*, most of which have been attested only in several districts of the Vologda region. This lexical group is of broad semantics. It can

be divided into blocks of words naming: a winter hat and its sewn-on “ears”; behaviour of a dissolute person; a stupid person; a chatterer and a gossip; actions causing physical harm; finally, a man fastidious in eating and the action of begging for food. Because of the considerable semantic distance between these blocks and their functioning in different areas (in particular, the meanings ‘hat’, ‘careless/stupid person’ were recorded in the Northeast of Vologda region, and all the “food” meanings — in its Southwest) it is argued that the words in this lexical group are derived from stems of different origin. For units included in the studied group there are at least two etymological solutions: composition of *kolo* ‘wheel’ or ‘near’ + *ushi* ‘ears’ with suffixation (which formed the words *kalauska/kolouska* ‘hat’ and ‘hats with sewn ear’ and their semantic derivatives, as well as the lexemes *kalaushnichat’/koloushnichat’* ‘to gossip’ and *kalashnik/koloshnik* ‘gossip, liar’) and derivation from the widely recorded words *kalaush (koloush)* ‘bag’ (resulted in the words *koloushit’, koloushnichat’* ‘to beg for food’). In addition, the semantic development within each of the homonymic semantic-derivational series is influenced by attraction of the stem to phonetically similar lexemes.

Key words: Russian dialect lexis, Vologda dialects, dialectal homonymy, etymology, semantic reconstruction, linguistic geography, lexical attraction.

Received on 01.03.2016